

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

1. Почему появилось объектное спряжение в мордовских языках? Наличие объектного спряжения в мордовских языках представляет своего рода историческую загадку. В ближайших по территориальному расположению языках объектного спряжения нет, его нет в чувашском, татарском и марийском. Правда, М. Корхонен, ссылаясь на мнение А. Несейма и П. Равила, считает, что различие в спряжении презенса и имперфекта в саамском языке отражает прежнюю дифференциацию субъектного и объектного спряжения (Korhonen 1967 : 227), однако доказанной эту гипотезу считать нельзя. Остается предполагать, что когда-то на территорию России из бассейна Оби проник какой-то язык угорской группы, но это также маловероятно. Правда, на территории Коми АССР существовали обско-угорские языки, см. упоминания летописи об югре и печоре. Но эти обско-угорские языки были территориально удалены от мордовского языка. Кроме того, объектное спряжение в обско-угорских языках довольно существенно отличается от такового в мордовских.

Обратимся к некоторым свойствам объектного спряжения в мордовских языках. Как отмечено в «Грамматике мордовских языков», одна и та же форма безобъектного спряжения может обозначать и незаконченное действие в настоящем времени, и законченное действие в будущем: эрз., мокш. *мон моран* 'я пою' и 'я спою', мокш. *мон сёрмадан* 'я пишу' и 'я напишу'. В объектном спряжении, которое указывает преимущественно на законченность действия, будущее время обозначает законченное действие в будущем: эрз., мокш. *мон кундаса* только 'я поймаю его'; эрз. *Эрьга, хоть монсь тенсяса* 'Ну-ка, хоть сама я подмету'. Прошедшее время в объектном спряжении передает законченное действие в прошлом: эрз. *кандыя*, мокш. *кандыне* только 'я принес'; эрз. *морья*, мокш. *морайне* только 'я спел' (Грамматика мордовских языков 1962 : 293). Создается совершенно определенное представление о том, что объектное спряжение в мордовских языках служит средством выражения совершенного вида глагола.

Тенденция к выражению совершенного вида глагола не была чужда и прибалтийско-финским языкам. Насколько известно, уральский праязык выражал только определенный и неопределенный объект действия. Отсюда две формы винительного падежа. В прибалтийско-финских языках различаются две формы объекта — тотальный и парциальный. Тотальный объект (в номинативе или генитиве) употребляется в тех случаях, когда действие доводится до конца и имеет результат: фин. *puuseppä teki pöydän* 'столяр сделал стол'; *oletko lukenut nämä kirjat?* 'ты прочитал эти книги?'; кар. *l'oudi šieldä mečäštä mužikan* 'он нашел

там в лесу мужчину'; эст. *olen juba söönud oma võileiva* 'я уже съел свой бутерброд' (Основы 1975 : 109).

Парциальный объект всегда имеет форму партитива, ср. фин. *olemme syöneet mansikoita* 'мы ели клубнику'; *minä luin kirjaa* 'я читал книгу' и т. д.

В марийском языке существовала также довольно сильная тенденция к формальному выражению совершенного вида глаголов. Однако его развитие пошло по другому пути. Марийский язык заимствовал у тюркских систему т. н. спаренных глаголов, ср. марЛ *волен кайыш* 'он спустился', *үден шуктен* 'он засеял', *ончал колтыш* 'он посмотрел' и т. д.

Влияние тюркских языков на мордовские было слабее по сравнению с влиянием тюркских языков на марийский. Поэтому система спаренных глаголов в мордовских языках не утвердилась. Не могли мордовские языки также пойти по пути прибалтийско-финских языков, так как партитив в них не был развит. Мордовские языки развивались иначе. Здесь есть кое-что общее с прибалтийско-финскими языками. Когда в финском языке создавалась фраза типа *puuseppä teki pöydän* 'столяр сделал стол', субъект действия производил какое-то действие над столом и объект действия был охвачен действием в целом. Представление о законченности действия здесь ассоциировалось с охватом действием целостного объекта. В мордовских языках целостность объекта выражалась вторичным повтором объекта в сфере глагола. Получалось нечто вроде 'столяр стол сделал его'.

2. О причинах особого выражения вступительного и местного падежей в притяжательном склонении в пермских языках. Как известно, суффиксы этих падежей притяжательного склонения в пермских языках омонимичны, ср. комиЗ *керка-ас* 'в его дом' и *керка-ас* 'в его доме', удм. *корка-аз* 'в его дом' и *корка-аз* 'в его доме'. Омонимия этих падежей довольно загадочна.

В специальной финно-угроведческой литературе этот вопрос уже был предметом обсуждения. А. И. Емельянов, автор «Грамматики вотяцкого языка», писал по этому поводу, что совмещение двух разных по смыслу падежей в одной форме объясняется тем, что эта форма не имеет никакого падежного суффикса; язык использовал здесь посессивную форму имен с архаическим суффиксом *-с*; так как эта форма большей частью употребляется в качестве наречия, то в этой роли она может одинаково выполнять свое назначение и при глаголе, означаящем движение куда-либо, и при глаголе, выражающем локализованное в известных пределах действие: *бусыям гырыны мыньсько* 'иду в свое поле пахать' (букв. 'имея свое поле') — *бусыям* имеет значение иллатива; *бусыям ужасько* 'работаю в своем поле' (букв. 'имея свое поле') — *бусыям* имеет значение инессива, однако в обоих случаях форма одна — имя с посессивным суффиксом, употребленное в роли наречия (Емельянов 1927 : 134, 135). Бряд ли так происходило в действительности.

Совершенно иное толкование этому явлению пытался дать Д. В. Бубрих. Он утверждал, что в финно-угорских языках был некогда отложительный падеж, или аблатив, имевший две разновидности окончания: **-ta* и **-i*. Форматив *-a* в *кар-а-м*, *кар-а-д*, *кар-а-с* и т. д. отражает древнее **-ta*, поскольку, по мнению Бубриха, **i* на пермской почве в положении между гласными давал нуль в чередовании с *t*, причем в непервых слогах перед этим нулем в чередовании с *t* оказался *a*.

Бубрих оспаривает распространенное мнение о том, будто аблатив первоначально обозначал только удаление. В пермских языках это падеж с самым широким местным значением, охватывающим и 'где', 'куда', и 'по какому месту' (а также 'когда' и др.). Значения 'откуда' как раз и нет, в этом значении *t*-овый аблатив был вытеснен специ-

фическим *s*-овым аблативом (Бубрих 1948 : 55). В гипотезе Бубриха явно сказалось марровское представление о первоначальной полисемантической и диффузности всех слов и суффиксов, что явно не состоятельно. История разных языков свидетельствует о том, что каждое новое значение образуется постепенно на базе предшествовавших ему.

Рассматривая формы типа *карам* 'в моем городе', *карад* 'в твоём городе', Утила допускал здесь выпадение *n* (Uotila 1936 : 413). Причина этого в данном случае совершенно необъяснима. Не более убедительно и наше объяснение. Мы допускали, что форма комиЗ *керкаам* 'в моем доме' произошла из *керка-ын-ым*. Изменение *керка-ын-ым* в *керкаам* возникло в сочетании с притяжательным местоимением *менам* 'мой' (удм. *мынам*). Под влиянием *менам* в сочетании *менам керкаыным* 'в моем доме' первоначальная форма инессива *керкаыным* превратилась в *керкаам* (Серебренников 1963 : 113). Нам представляется, что причину этого явления можно объяснить значительно проще.

Представим себе, что в этих формах первоначально употреблялись обычные окончания вступительного или местного падежей, т. е. *керка-õ-ым* 'в мой дом' и *керка-ын-ым* 'в моем доме' — это были бы крайне неудобные формы для произношения. Совершенно естественно, что в языке возникла тенденция к их устранению. В коми языке некогда существовал направительный падеж на *-а*, ср. наречие *бара* 'опять же' из *бõр-а* 'назад', от *бõр* 'зад'. По-видимому, это же окончание содержится в удмуртском послелогое *пал-а* 'к'. Нет ничего удивительного в том, что пермские языки использовали окончание этого направительного падежа для создания более удобопроизносимых форм типа *керка-а-с* 'в его дом', удм. *корка-а-з*.

Труднее объяснить появление омонимичной формы местного падежа, но и здесь есть определенный выход. В пермских языках встречаются случаи, когда вступительный падеж употребляется вместо местного, ср. комиЗ *чукõртчисны керкаас* 'собрались в его доме' (букв. 'в его дом'). Затем произошло обобщение окончания местного падежа с окончанием вступительного по аналогии.

3. Почему в удмуртском языке перестроилась парадигма древнего настоящего времени?

В настоящее время эта парадигма выглядит так: ед. ч. 1 л. *мынйсько*, 2 л. *мынйськод*, 3 л. *мынэ*; мн. ч. 1 л. *мынйськомы*, 2 л. *мынйськоды*, 3 л. *мыно*.

Представление о том, как она выглядела раньше, дает парадигма будущего времени: ед. ч. 1 л. *мыно*, 2 л. *мынод*, 3 л. *мыноз*; мн. ч. 1 л. *мыномы*, 2 л. *мыноды*, 3 л. *мынозы*.

Основной причиной перестройки древнего настоящего-будущего времени стала существующая в языках тенденция выражать особые значения особыми формами. Почти полная омонимия форм настоящего и будущего времен была в какой-то степени неудобна. Другой причиной изменения была форма 3 л. ед. и мн. числа. Эта форма никогда не имела значения настоящего времени. КомиЗ *мунас* и удм. *мыноз* 'уйдет', но не 'уходит'.

Что касается происхождения показателя *-с* (*-з*), то это показатель древнего опатива. Он содержится в таких формах мордовских языков, как мордЭ *корта-зо* 'пусть он говорит'.

4. Почему в некоторых говорах эрзя-мордовского языка вместо винительного падежа употребляется местный?

Действительно, есть говоры эрзя-мордовского языка, в которых вместо винительного падежа употребляется местный, ср. *вазос' цэпес'н'е пор'и* 'теленки цепь жуёт' (Ермушкин 1981 : 113). На первый взгляд, такое

явление необъяснимо, однако ему можно найти объяснение. Винительный падеж должен показывать, что действие распространяется на объект. Винительный падеж в индоевропейских языках когда-то был направительным падежом, ср. латин. *Romam ire* 'Идти в Рим'. Здесь местный падеж также показывает, что действие распространяется на объект. Оно происходит в сфере предмета.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих Д. В. 1948, Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР. — Советское финноугроведение, т. 1, Ленинград, 47—80.
Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология, Саранск 1962.
Емельянов А. П. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
Ермушкин Г. И. 1984, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам, Москва.
Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки, Москва 1975.
Серебренников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
Korhonen, M. 1967, Die Konjugation im Lappischen I, Helsinki (MSFOu 143).
Uotila, T. 1936, Zur Deklination der Personalpronomina in den permischen Sprachen. — NyK L.

В. А. SEREBRENNIKOV (Moskau)

HISTORISCHE RÄTSEL

Im Artikel werden mögliche Lösungen zu vier schwierigen Fragen der Geschichte der finnisch-ugrischen Sprachen gegeben. 1. Der Verfasser vermutet, daß die objektive Konjugation in den mordwinischen Sprachen eine Realisierung der Tendenz zur sprachlichen Markierung der vollendeten Handlung ist.

2. Im Udmurtischen haben der Lokativ und der Illativ in der possessiven Deklination die gleiche Endung *-a*. Die eigentlichen Endungen *-in* und *-g* wären schwer zu artikulieren. In diesem Fall hat der Illativ die alte permische Lativendung *-a* ausgenutzt und der Lokativ ist analog gebildet worden.

3. Im Udmurtischen ist ein besonderes Paradigma des Futurums entstanden. Hauptursache dafür ist, daß die Form der 3. Person des Singulars und Plurals des alten Präsens-Futurums exklusiv die futurale Handlung ausdrückte.

4. In einigen mordwinischen Mundarten wird anstelle des Akkusativs der Lokativ verwendet. Damit versucht man, den Kontakt zwischen Handlung und direktem Objekt zu repräsentieren.